

**Куньдюзлери озюмни бир де бир шейлер иле алдатам,
акъшамлары исе баягъы зор ола. Даиремизнинъ бир тарафына кечип,
балконгъа чыкъам ве шу ёлгъа бакъып къалам. Эр вакъыт...**

**Къырымтатар йигити
Эрвин Ибраимовнынъ гъайып
олгъанына 63 кунь толды.**

Лиля Алиева, Эрвиннинъ анасы.

Тимур Пулат: Современные крымскотатарские писатели убегают от реальности

Для совместного интервью газетам «Къырым» и Avdet известный писатель Тимур Пулат рассказал, можем ли мы ждать от него нового художественного произведения о крымских татарах, дискутировал на тему истории и современности, рассуждал о социальной активности писателей и о том, почему он не запирается в «башне из слоновой кости».

стр. 4-5 ▶

Жизнь вопреки

Прижимая к себе свою маленькую дочь, я понимал, что я выжил. Выжил, несмотря ни на что, вопреки самой своей жизни, вопреки своей судьбе, вопреки людям, которые с самого детства пытаются уничтожить меня, стереть с лица земли мой народ, мой язык, мою культуру. И я буду жить вопреки! Жить вопреки, жить вопреки...

стр. 7 ▶

Судакская полиция добивается наказания для крымских татар за «автопробег»

Судакское отделение полиции подало апелляцию на постановление суда о закрытии административного производства в отношении четырех крымских татар, проехавших на автомобилях по Судаку с национальными флагами 18 мая.

«Статьей 24.1 КоАП РФ предусмотрено, что задачами производства по делу об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное, своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений. Согласно ст. 26.1 КоАП-РФ по делу об административном правонарушении подлежат выяснению, в частности: наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия (бездействия), за которые данным Кодексом или законом субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность; виновность лица в совершении административного правонарушения», — сказано в жалобе на постановление суда.

«Ребят ждет еще один этап разбирательства, интересно какие «аргументы» на этот раз представит полиция? О том, что крымскотатарский флаг — средство агитации, мы уже слышали, путанные свидетельские показания представителей ГИБДД, не способных отличить просто движение от движения в колонне, тоже уже было. В интересное время живем, узнаем много нового и увлекательного», — сообщила крымскотатарская активистка, жительница Судака Ленора Дюльбер.

Напомним, в июне этого года суд решил закрыть уголовное производство в отношении четырех крымских татар, задержанных 18 мая за несанкционированный автопробег.

18 мая этого года в нескольких городах Крыма полиция задержала водителей автомобилей с крымскотатарскими флагами, обвинив их в организации несанкционированных автопробегов.

Фигурантов дела «26 февраля» оставили под стражей

20 июля в закрытом режиме состоялось очередное судебное заседание по делу «26 февраля», которое вернулось в суд после доследования в прокуратуре.

Решением суда трое фигурантов дела — Ахтем Чийгоз, Али Асанов, Мустафа Дегерменджи — остаются под стражей до 8 октября. Суд также удовлетворил ходатайство адвоката Александра Лисового о привлечении к процессу супруги Чийгоза Эльмиры Абляимовой в качестве общественного защитника.

Как сообщал Avdet, по результатам слушания, дело Ахтема Чийгоза и еще пятерых фигурантов суд решил разделить.

Суд Крыма отказался освободить крымских татар, обвиняемых в «терроризме»

Верховный суд Крыма оставил под стражей четверых крымских татар, бахчисарайских фигурантов дела «Хизб ут-Тахрир».

Об этом сообщил адвокат Эмиль Курбединов.

«Окончилось заседание в Верховном суде Крыма по жалобам адвокатов в апелляционную инстанцию на аресты «бахчисарайской четверки» крымских татар, обвиняемых в терроризме, в т.ч. Энвера Мамутова. Суд не принял доводов защиты и оставил всех в следственном изоляторе», — написал он на своей странице в Facebook.

По информации адвоката, заседание проходило в режиме видеоконференции.

Напомним, 12 мая в Бахчисарае российские силовики провели серию обысков в домах мусульман, а также в местном кафе «Салачикь». В результате были арестованы Зеври Абсеитов, Ремзи Меметов, Рустем Абельтаров и Энвер Мамутов. Их подозревают в связи с организацией «Хизб ут-Тахрир», признанной в России террористической.

Организации «Къырым» и «Къырым бирлиги» разорвали отношения

Межрегиональное общественное движение «Къырым» расторгло в одностороннем порядке соглашение с региональной общественной организацией «Къырым бирлиги».

Об этом говорится в письме от имени главы «Къырым» Ремзи Ильясова в адрес Сеитумера Ниметуллаева, возглавляющего «Къырым бирлиги».

«Ввиду несовместимости Вашей деятельности с соглашением, заключенным между Межрегиональным общественным движением крымскотатарского народа «Къырым» и Региональной общественной организацией «Къырым бирлиги» о сотрудничестве, пользуясь предусмотренным правом, согласно Уставу, информирую Вас об одностороннем расторжении вышеуказанного соглашения», — говорится в документе.

Обвиняемого в поджогах крымского татарина выпустят из СИЗО

23 июля подозреваемого в поджогах автомобилей Муеддина Аливапова выпустят из-под стражи под подписку о невыезде.

Такое решение принял Киевский районный суд Симферополя, где сегодня состоялось очередное заседание по продлению сроков содержания под стражей Муеддина Аливапова.

Глава ЦИК Курултая Заир Смедляев предположил, что такое решение связано с недоказанностью его вины.

Напомним, житель Алупки Муеддин Аливапов находится под стражей с 23 января. Его обвиняют в

массовых поджогах автомобилей на ЮБК. Однако и после его ареста поджоги автомобилей не прекратились. Ранее сообщалось, что семья Аливаповых является граждански активной, а его родной брат после присоединения Крыма в России уехал в Украину.

Avdet поздравили с днем рождения, отобрав помещение

На протяжении многих лет Симферопольский региональный меджлис размещался в офисе на ул. Чехова, 20 в г. Симферополе.

После ареста Центрального офиса Меджлиса крымскотатарского народа в сентябре 2014 года туда же переместилась редакция газеты Avdet, которая так и не смогла пройти перерегистрацию и выходит благодаря поддержке людей тиражом до 1000 экземпляров.

В этом же офисе последние два года проходили заседания Меджлиса крымскотатарского народа, собрания ветеранов национального движения крымских татар и другие мероприятия.

Утром 15 июля 2016 года, в день рождения газеты Avdet, бывший член Меджлиса крымскотатарского народа, а ныне заместитель главы администрации города Симферополя Тейфук Гафаров в сопровождении, видимо, рабочих намеренно испортил замок двери офиса. В результате чего сотрудники газеты и члены регионального меджлиса не смогли попасть в офис. Позже замок был и вовсе сменен на новый.

Ранее в офисе уже разбивали окна, высыпали целый грузовик содранного асфальта перед дверями в день заседания Меджлиса и еще пакостили по-мелкому.

Следует отметить, что данный офис в середине 90-х гг. Симферопольский региональный меджлис добился у го-

родских властей и передал на баланс муфтията (ДУМК).

В революционные годы начала XX ст. в этом здании осуществляли деятельность мусисполком, работал муфтий и политический деятель Номан Челебиджихан. И многие годы региональный меджлис при поддержке научной интеллигенции добивался возможности установить соответствующую памятную доску, но не успел...

За последние полгода это вторая попытка выдворить региональный меджлис и редакцию газеты из офиса. Оба раза представители муфтията лишь разводят руками и ссылаются на волю неких «всесильных» чиновников.

Что кроется за этими действиями: стремление задавить последние островки свободы в Крыму или решение чьих-то коммерческих интересов, а, скорее всего и то, и другое, мы в скором времени узнаем. И, возможно, недостающие пока кусочки пазлов о роли бывших и еще пока действующих коллег по Меджлису встанут на свои места.

Одно могу сказать точно, Меджлис ходить на поклон к чиновникам не будет. Наш офис — весь Крым! Склоняться перед лицемерами нам народ не позволял!

Нариман ДЖЕЛЯЛ

Трагическая судьба солдат и офицеров – крымских татар, вернувшихся на Родину после войны

О судьбе некоторых из них рассказывают свидетели страшных казней офицеров и солдат из числа крымских татар, вернувшихся на Родину с фронтов Второй мировой войны, но не заставших свои семьи дома – все они были депортированы как предатели.

Военный повар Асим Джуневтов, скрывший свое национальное происхождение и некоторое время еще прослуживший Крыму. После 18 мая прошло какое-то время, и он получил приказ ехать с помощником в командировку к военным строителям на Ай-Петри.

«Утром рано я поднялся, чтобы вскипятить чай. Рядом с этим домиком на Ай-Петри был с правой стороны сосновый лесок – я туда пошел за дровами. В это время подъехали закрытые брезентом машины. С этих машин сошли люди в военной форме, погоны оторваны, ремни сняты, глаза завязаны и руки завязаны назад. Все они были босиком. Их погнали в сторону от леса, к самому обрыву над Ялтой. Я их считать стал – 25 человек, все в офицерской форме. И против них строились автоматчики. Я понял, что их стрелять будут, командовал один полковник. И один генерал по одежде и погонам, я заметил, ходит туда-сюда, что-то шепчет. Не мог слышать всего, мне трудно было, я отвернулся, а когда повернулся лицом, людей уже не было, автоматных очередей не слышал, наверное, их толкали, там очень большой обрыв.

Пошел к котлу, ко мне подошли два солдата, просили пить. Я дал им чай – холодный, они пили. А я в свою очередь стал спрашивать, кто были те казненные? «Крымские татары, офицеры, стали требовать свою семью, подняли шум в Симферополе, их там арестовали, сразу приговорили к расстрелу. Среди них было 5-6 человек русских [речь идет о смешанных, русско-татарских семьях]. Это было в 1944 году, в июне или июле».

Такой же инцидент почти в точности повторился через год, высоко над берегом между Гаспррой и Мисхором, свидетелем стал старый русский человек из местных. Там группу крымскотатарских офицеров столкнули с обрыва в море живыми.

«Обычно такие казни, говорят, происходили в 1945-46 гг., когда демобилизованные офицеры, не найдя своих родных в Крыму, выражали возмущение несправедливостью содеянного. Таким предлагали собраться в определенный день, якобы помочь им поехать в места высылки, найти семьи, но вывозили их на расстрел».

Похожая, но не во всех деталях, расправа произошла в совсем другом краю Крыма. В Судакском районе, близ Туака, группу крымских татар-офицеров взорвали вместе с машиной, на которой доставили туда откуда-то из другого места. Знаменитый партизан и авторитетный свидетель Бекир Османов сообщал, что 78 татар-офицеров было расстреляно на склоне Сапун-горы (Севастополь), он же уточнял количество жертв взрыва в Туаке – 12 человек.

Гораздо позже окончания депортации произошел расстрел в Корбекуле, у стены сарая для сушки фруктов. Свидетели, на сей раз не татары, рассказывают, что у офицеров ордена и медали не были сняты, сверкали на солнце до последней минуты. Поскольку казнь происходила не в глухом лесу или на пустынном побережье, то ее наблюдали многие, и подробностей сохранилось больше. Среди 7 человек расстрелянных двое – Арнау-

тов и Подош – были местными, их узнал в лицо корбекульский пастушок, русский мальчик Володя Шеленга, рано утром проходивший со стадом близ сараев. Летчик Муаррем Арнаут – брат казненного, узнал о казни брата совершенно случайно, от соседа по палате в госпитале, во время обычной беседы, то есть из совершенно независимого источника.

Сообщают, что в 1945 году крупная группа средних и старших офицеров крымских татар (300-400 человек) собралась в Симферополе. Они требовали возвращения их семей в Крым. Дело дошло до Москвы, из ЦК партии поступило распоряжение отправить всю группу временно в какой-нибудь санаторий на Южном берегу, пока будет решена техническая сторона дела. Так и сделали, а затем состоялось обычное «решение проблемы», свидетелем исполнения которого оказался вполне конкретный человек, военный шофер Гриша: «Была глубокая ночь, мы, не зная для чего, остановились у здания санатория, в машины стали грузить каких-то людей, охрана была такая, что у каждого из этих людей был поставлен охранник, и каждый вел своего. Я услышал только, что мы едем в какое-то дере (ущелье). С

так, почему? Он мне в ответ начинает что-то юлить, а я думаю, застрелю его, сволоочь. Выхватываю пистолет. И тут кто-то сзади дает мне команду:

– Кругом! Выйти из кабинета!

Я выполняю команду, выхожу. А потом подходит ко мне какой-то человек и говорит: «Такие как вы, офицеры-крымские татары приезжали два месяца назад, требовали объяснить, почему их семьи выслали. А их, человек 200-250, посадили на автобусы, вывезли под Карасубазар и расстреляли под Белой скалой. У вас есть 24 часа на то, чтобы покинуть Крым».

До сих пор не знаю, кто был этот человек. Я из Акьмесджит поехал сразу в Москву и стал выяснять уже там, где находится моя семья».

За три дня Решат Садреддинов выяснил, что его родные находятся в Узбекистане, в городе Бекабад. Приехав туда, он нашел их в землянках, голодных и больных.

Анифе Шевкиева рассказывает о том, как ее муж, старший лейтенант Ибраим Шевкиев был свидетелем расстрела группы крымскотатарских офицеров между Новоалексеевкой и Джанкоем. Состав остановили и приказали всем крымским татарам выйти из него. Ибраим Шевкиев был без ноги, на костылях. Несколько офицеров, когда им сказали, что в Крыму их семей уже нет, и им следует ехать в Среднюю Азию, начали возмущаться. Энкаведешники отвели их в сторону и расстреляли. Также Ибраим

нами никто не разговаривал. По приезде в это дере, мы, выгрузив людей, стали отъезжать, я услышал частые автоматные очереди, слышали это и другие водители. Людей [которых казнили] было приблизительно человек 400».

Еще одно свидетельство – о расстреле на склоне Бабугана, куда офицеров доставили прямо из Симферополя; еще одно, того же рода, – о бойне близ деревни Топлы, а сколько подобных акций было проведено более профессионально, то есть совершенно скрытно?

Полковник Решат Садреддинов вспоминает, как после капитуляции Германии подразделения, в которых он находился, перебросили в Австрию. Тогда и удалось получить увольнительную, чтобы поехать в Акьмесджит. То, что он увидел там, поразило: нигде нет ни одного крымского татарина. Сгоряча он направился в здание НКВД, одетый по форме, в орденах, медалях, с наградным «ТТ».

– Прихожу туда, а там сидит какой-то лейтенант. Я на него накинулся: как

Шевкиев рассказывал, что некоторых крымскотатарских летчиков, выразивших возмущение тем, что когда они проливают кровь на фронтах, их семьи выгнали из домов и отправили умирать на чужбину, посадили в бочки и сбросили с самолетов.

Судьба солдат, чьи части стояли в Крыму, оказалась иной. Усеинов Асан их Узунджи (Балаклавский район), служивший в Приморской армии, вспоминает: «После 18 мая мне перестали доверять... Я стал замечать, что за мной следят. В один день меня вызвал старшина и сказал: „Берите продукты, вы поедете в другую часть, в артполк“. Я сдал автомат, а продукты не взял. Мой попущик, старший сержант, привел меня в т. наз. артполк, расположенный за Симферополем и огороженный колючей проволокой. Здесь мне дали новую одежду. В этом полку собрали со всего Крыма крымских татар-фронтовиков, всего 150-200 человек. На вышках вокруг нас охраняли вооруженные солдаты. У нас же ни у кого оружия не было. Среди нас было немало

офицеров-крымских татар и несколько медсестер. Однажды ночью нас погрузили в машины и привезли в Симферополь, где нас оцепили „зеленые фуражки“. Всю ночь мы простояли. Утром нам приказали построиться по четыре и идти к вокзалу. Строй вели наши, но по краям шли „зеленые фуражки“. Пришли на вокзал, подали команду „Смирно!“.

К нам вышел генерал (зам. Берия), мы не дали ему говорить, стали кричать, чтобы убрали от нас оцепление. Генерал дал команду убрать... и обратился к нам со следующими словами: „Ваши семьи находятся в Средней Азии. Простите, у нас не было возможности разобрататься с ними. Вы сейчас без всякой охраны поедете в Узбекистан. Ваши родные находятся в очень тяжелом положении. Прошу вас не задерживаться в дороге“.

Несмотря на скудость информации, дошедшей до нас, уже сейчас можно сделать некоторые осторожные выводы. Судя по всему, казни татарских офицеров заранее не планировались – несколько десятков крымскотатарских солдат и офицеров, лежавших в крымских госпиталях, по выздоровлении были благополучно отправлены в среднеазиатскую ссылку. Расстрелы же, скорее всего, были вызваны настойчивостью и последовательностью требований боевых офицеров (судя по всему, их скопилось в Крыму неожиданно много), которые наверняка пользовались симпатией таких же, как и они, фронтовиков – русских офицеров. Эти крымскотатарские группы грамотно и настойчиво требовали отмены постановления о депортации, не имевшего под собой никакой правовой основы, противоречивших советской Конституции – все это было очень серьезно. Тогда, очевидно, и было принято какое-то решение об их «обезвреживании» обычным для карательных органов методом. Соответствующее распоряжение было, очевидно, разослано в райвоенкоматы Крыма. Этот вывод следует из того, что аппарат именно РВК явился единственным исполнителем указанной акции. Дальнейшее научное расследование, безусловно, уточнит эту картину, нарисованную здесь в самых общих чертах.

Размышление над судьбой обеих небольших групп крымских татар, отколовшихся от основной массы народа, и тех мирных жителей, что остались на родине после депортации, и боевых офицеров прорвавшихся на полуостров гораздо позже завершения «этнической чистки» Крыма – приводят к схожим выводам. И первые, и вторые не могли не осознавать, что бросают вызов сталинскому режиму, вызов не просто опасный, но ведущий к практически неизбежному смертельному исходу.

Что руководило этими гордыми людьми, что именно оказалось сильнее естественного и властного инстинкта самосохранения, сильнее даже любви к ближним, на вечную разлуку с которыми, они знали, себя обрекают? На этот вопрос не может быть двух ответов: это было могучее чувство любви к родине, к Крыму, которую они не могли (не хотели?) преодолеть. Это было именно то чувство, из-за которого несколькими годами спустя начала разгораться все шире и шире всенародная и многолетняя борьба за Возвращение. Это было чувство, которому обязано своими достижениями все национальное движение крымских татар за возвращение на Родину – в Крым.

Ибраим ВОЕННЫЙ

Тимур Пулат: Современные крымскотатарские писатели убегают от реальности

Известный писатель Тимур Пулат, уже знакомый нашим читателям по повестям «Скажи смерти: НЕТ!» о Номане Челебиджихане и «История одного возвращения» о Мусе Мамуте, недавно приезжал в Крым, общался с крымскотатарскими активистами, ветеранами национального движения, посетил памятные места и могилы наших героев. Для совместного интервью газетам «Къырым» и Avdet писатель рассказал, можем ли мы ждать от него нового художественного произведения о крымских татарах, дискутировал на тему истории и современности, рассуждал о социальной активности писателей и о том, почему он не запирается в «башне из слоновой кости».

— Когда мы говорим о том, кого из авторов и какие произведения классической литературы советовать для чтения — тут все достаточно ясно: они значатся и в школьной, и в вузовской программе, обязательно присутствуют в учебниках. А вот касательно современной литературы ситуация не так однозначна. Кого из сегодняшних литераторов порекомендовали бы Вы? Чей художественный мир, Тимур-ака, способен, на Ваш взгляд, что-то дать молодому поколению для его духовной ориентации и роста, эстетического и этического совершенствования?

— Современная мировая литература в основном вступила в полосу постмодернизма. Соответственно, российская литература также следует этому эстетическому направлению. Для писателя-постмодерниста важен формальный признак литературы, всяческие формальные

жигане и Мусе Мамуте (а читают нынче очень мало) в целом положительно отнеслись к этим произведениям. Читатель к тому же отвык писать напрямую автору о своих суждениях, поэтому отзывы я получал «вживую», будучи недавно в Крыму.

Случались и досадные курьезы. Когда предложил повесть о Номане в московское издательство, редактор заявил: «Почему вы написали о человеке, о котором здесь, в Москве, никто не слышал?».

Через какое-то время редактор, видимо, прочитав о Челебиджихане в советских энциклопедиях, торжественно заявил: «Я был прав! Челебиджихан националист, пантюркист, реакционный деятель!».

Другой отзыв пришел из Украины. Тележурналист, связанный с кино, заявил, что хорошо было бы экранизиро-

Первую повесть, ученическую, несовершенно, я опубликовал в двадцать пять лет. С тех подумывал запереться в четырех стенах — французы их называют «башня из слоновой кости» — и работать дальше, воплощая творческие фантазии на бумаге.

И поскольку то, что я сочинял, расходилось с требованиями социалистического реализма и отвергалось издательствами, на протяжении почти двадцати лет рукописи романов и повестей аккуратно складывал в стол в ожидании лучших времен.

С возрастом я все отчетливее прислушивался к гулу времени, внутренне ощущая, что сидеть «в башне из слоновой кости» невозможно, коль скоро ты живешь в данное время и суровые проблемы времени задевают не только тебя, но и твоих современников, тех, кто думает, как ты, говорит на одном с тобой языке, призывая хотя бы словом выразить их чаяния и устремления.

Но писатель по своей сути такой творческий организм, что о чем бы он ни писал — будь то коршун, облетающий свои владения в пустыне, или фантастическую историю человека, за грехи превращенного в черепаху, или «Нос», как у Гоголя, он все равно, пусть и опосредованно, соприкасается с реальной жизнью и откликается на ее вызовы, пусть в необычной форме, в жанре притчи или сатирической повести.

К этой мысли в немалой степени подвела меня статья Льва Толстого «Не могу молчать!», поразившая меня своей страстью и пророческим видением жизни. Автор «семейного романа» о любовных переживаниях Анны Карениной резко заявил о своей гражданской позиции, осудив аресты и внесудебные казни в России, обвинив, в первую очередь, церковь в молчании, которое сродни пособничеству. В ответ великий писатель, как известно,

обратился к публицистике, пытаясь откликнуться на животрепещущие вопросы дня, тем более, что журналистского опыта я набирался еще в газете «Советская Бухара», будучи учителем в сельской школе, в газете «Комсомолец Узбекистана», а позднее, с началом гласности, в «Московских новостях».

В этом издании в середине 80-х годов прошлого века и появились мои статьи о трагедии крымцев — «Бегущие впереди арбы», «Крымские татары жаждут исхода». В те годы читатель еще доверял чистому листу, излагая свои мысли со всей искренностью и непосредственностью, спорил, предлагал идеи автору взволновавшей его публикации...

Сотни откликов пришли в мой адрес от крымцев, оторванных от Родины и рассеянных по всей стране.

После моего выступления в журнале «Дружба народов» со статьей «Все

ушищения в письме, что полностью выхолащивает гуманистическое содержание литературы — то, что было присуще классической литературе XIX–XX веков. Современный человек изображается надломленным, опустошенным и напуганным картинами катастрофы, апокалипсиса, который предвещают ему писатели-постмодернисты.

Сам я до сих пор, если позволяет время, обращаюсь к классической литературе как нашего Востока, так и Запада. В них человек любого возраста, от молодого до пожилого, может найти ответы на многие вопросы, которые ставят жизнь. Ибо они написаны с общегуманных, общечеловеческих, нравственных позиций, которые делают человека человеком.

— Вами были написаны и представлены на суд общественности две повести, посвященные крымскотатарским героям — Номану Челебиджихану и Мусе Мамуту. Какие отзывы прозвучали от общественности? Была ли критика и какого рода?

— Те, кто читал повести о Челебид-

жить историю Номана и что он будет искать спонсоров...

Посмотрим, чем закончится эта идея...

— Насколько (в каких случаях?) художник вправе вмешиваться в ход политического действия, разыгрывающегося у него на глазах? Скажем, сегодня в Крыму происходят исчезновения активистов, аресты, жесткие запреты на проведение традиционных акций, которые по закону требуют не разрешения, а элементарного согласования. Должны ли наши крымские писатели заявлять свою позицию или это не их ума дело? Могут ли слова Н. Некрасова «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» быть реальным призывом или сегодня они всего лишь помпезный книжный ретрослоган?

— Считаю себя не вправе оценивать социальную активность крымских писателей, тем более что я мало знаком с их творчеством. Сошлюсь в этом вопросе на свой личный писательский опыт и опыт моих предшественников в литературе.

был отлучен от церкви, назван богохульником и предан анафеме...

Кстати, и по сей день церковь не сняла с писателя анафему, видимо, перефразируя известное выражение Некрасова: «Поэтом можешь ты и быть, но гражданином не обязан».

миром помочь братьям» жительница Башкирии, этническая русская, в годы войны бывшая в Узбекистане в эвакуации, написала: «Только представитель благородного народа может так сочувствовать горю другого народа. Спасибо Узбекистану!»

Ступенька за ступенькой, спускаясь из «башни из слоновой кости», я

Но не все оказалось таким радужным. Все, кто был в депортации, помнят 1987-88 годы, когда по-прежнему оказывалось сильное давление на крымцев, жестоко разгонялись их митинги, которые стали регулярными и охватывали все города и поселки Узбекистана.

В этой атмосфере меня, конечно, не отлучили от ислама, потому что, к счастью, ислам был в душах верующих, а не в директивных указаниях властей. Меня даже не отлучили от Союза писателей, где я был редким гостем. Зато после многократных вызовов в прокуратуру меня обвинили в том, что мои статьи еще больше активизировали крымцев в их требовании вернуться на Родину.

Что касается Некрасова, то его творчество критика считала слишком приземленной в ущерб художественности и оригинальности. На этот упрек Некрасов и изрек: «Поэтом можешь ты не быть...», что стало фигурой речи в устах апологетов социалистического реализма.

– Какие мысли у Вас возникли после встречи с молодыми писателями? Есть ли у крымскотатарской литературы достойное продолжение? Над чем, по-Вашему, молодым писателям нужно еще работать?

– Мне кажется, что между писателями, жившими вне Родины более сорока лет, и теми, кто родился уже в Крыму, произошел глубокий поколенческий разрыв, что мешает литературному и культурному живому языковому процессу двигаться плавно, естественно и непрерывно.

Тема старшего поколения – это в основном тема ужасов депортации, то, чему их, уже зрелых людей, научила жизнь, а также тема возвращения на Родину, к разрушенным очагам и затерянным могилам предков.

У тех же, кто решил прийти им на смену, творческая мысль мерцает и без непрерывности процесса, в национальной литературе, и в отсутствии творческих традиций и художественных приобретений постепенно затухает...

Ощущая этот разрыв творческого процесса в едином потоке времени, молодые авторы, по моим наблюдениям,вольно или невольно абстрагируются от сегодняшней живой реальности, с ее сложностями и противоречиями, и обращают свой взор к истории как к не-

подвижному, устоявшемуся пласту жизни предков, пытаюсь осмыслить ее в своем понимании.

После прочтения романа Гульнары Абдулаевой о Шахин Гирее и поэмы «Сельсебиль» Эльвиры Капнист я поделился своими соображениями о тенденции молодых авторов убежать от сегодняшней реальности с одним крымским литературоведом, на что он ответил: «У нас сейчас каждый мнит себя знатоком истории, рассуждая на эту тему где угодно – в стихах, в социальных сетях, сознательно игнорируя сегодняшнюю суровую реальность».

Конечно, история в чем-то поучительна, но ее нельзя повернуть вспять... «И действительно, погруженность в историю, пусть даже славную, зашоривает сознание автора, не позволяет ему видеть современность, или увиденное дает ложное

представления о настоящем...

– Когда-то, на уже не ранней зорьке советской власти, прозвучал горьковский призыв, обращенный к писателям: мол, идите, товарищи, в газету и поднимайте литературный уровень прессы. Это не было пропагандистским ноу-хау. Еще А. Дюма-старший лет 200 назад не гнушался публиковать свой знаменитый многолетний мушкетерский сериал и другие произведения в одной из ведущих французских газет.

Да и Ваш пример «тому наука» (публикации художественных произведений в «Къырым» и Avdet последней осенью и весной). Но сегодня эти примеры, скорее, исключение. Периодические издания пока еще не агонизируют, и их тиражи, как правило, многократно выше книжных. И все же большинство писателей будто бы стесняются «мараться» о газету – публиковаться в обычной прессе. У Вас есть право об этом судить, и даже строго...

– В те годы, когда меня не печатали, – а не видя свой текст набранным типографски и пахнущим краской, я не мог дальше работать – я говорил себе: «Пусть хоть какая-нибудь заводская многотиражка типа «За социалистический труд» или газета пожарников «Герои в огне» обратится ко мне с предложением напечатать рассказ или отрывок из повести, чтобы я мог дальше писать» Но – увы! Предложений не поступало...

Для автора не зазорно публиковаться в любом издании, чтобы его читали. По своему опыту знаю: газета причащает к точному и краткому письму и погружает в реальную жизнь, что особенно важно для молодого писателя.

– В очередной свой приезд в Крым Вы встречались с крымскими татарами разного социального статуса, положения и профессий, общались с участниками национального движения. Легут ли впечатления и некие сведения, полученные и услышанные во время этих встреч, в основу Ваших будущих произведений?

– Разумеется, встречи с интересными людьми, беседы, которые случались у меня в Крыму, впечатлили меня – человека, почти уже четыре десятилетия воспринимающего жизнь крымцев как свою кровную, зная, что Всевышний послал меня по этой стезе.

Не об этом ли рассуждают и суфии,

которым легко пройти пронизательным взглядом будущему читателю».

– Как Вы относитесь к факту существования писательских организаций, которые образуются не по литературным направлениям, интересам, языку или каким-то иным творческим критериям, а принципу расчета на государственную поддержку, на основе широкого спонсорства власти и, соответственно, приводящем к возможности так или иначе влиять на писателя,

получению рычагов управления литературным процессом. Тимур ака, насколько такое суждение правомерно? В чем такой взгляд на положение вещей ошибочен?

– Из опыта многолетнего членства в Союзе писателей СССР я – и не только я, но тысячи моих коллег-писателей – вынесли горькую истину: если творческая организация, будь то писателей, художников, кинематографистов, живет на подачки государства, то и государство, естественно, требует от них послушания, следования директивам и методам, как это было с методом социалистического реализма.

Мне кажется, что если союзы писателей находятся под контролем государства, то их членам лучше всего организовывать клубы встреч, например, по критерию жанровых пристрастий, или дискуссионные клубы, где они могли бы свободно общаться, диску-

Что же касается будущих произведений о людях Крыма прошлых эпох и нынешних дней, то я из мистических побуждений умолчу, ибо боюсь сглазить свое будущее детище самомнением и тщеславием, с которыми всю жизнь борюсь.

которые предостерегают автора: «Нужно держать в секрете свои творческие планы и деяния до тех пор, пока этот план не воплотится в реальности. Ведь любые наши идеи не только не совершенны, но в них множество слабых мест, по-

тировать актуальные проблемы творчества, обмениваться замыслами, опытом вне жестких уставных рамок, утвержденных властями. И без внутреннего цензора, который губителен для настоящего художника.

Июль в нашей истории

В июле 1546 г. после восьмидневной осады войско Сафа-Гирея вошло в город Казань. Хан Шах-Али бежал в Москву.

2 июля 1554 г. столица Астраханского ханства была взята русскими войсками.

4 июля 1591 г. произошло сражение московского войска с войском крымского хана Газы-Гирея.

В начале июля 1769г. русская армия начала осаду крепости Хотина, чтобы не допустить соединения турецких войск с отрядами польских конфедератов. Гарнизону на помощь был направлен сорокатысячный отряд крымтатарской конницы, что вынудило русские полки отступить от Хотина и уйти за Днестр.

29 июля 1771 г. войска 2-й русской армии под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова захватили г.Кефе.

21 июля 1774 г. подписание Кучук-Кайнарджийского договора (д. Кючук-Кайнарджа в Болгарии), по которому Крымское государство признавалось независимым. К его территории относятся Крымский полуостров, причерноморские степи между реками Берда, Конскими Водами и Днепром, степь между Бугом и Днестром (без Очакова), а также земли на Кубани и Таманском полуострове. Керчь, Еникале и Кинбурн перешли к России. Крымским ханом стал Девлет Гирей IV.

25 июля 1870 г. первое издание исторического сочинения Халим Гирай Султана "Гульбун-и ханан" – "Розовый куст ханов". Завершенное в 1811г. сочинение Халима Гирая "Гульбун и ханан" ("Розовый куст ханов"), впервые издано 25 (13) июля 1870г. (Раби уль-ахир, 25,1287г.) в типографии "Матбаа-и Амуре" в Стамбуле.

Второе издание осуществлено в 1909г. историком общества крымскотатарских студентов "Ватан", в Стамбуле Ариф заде Аблякимом (Абдуль Хакимом) Ильмий. Книга была издана с обширными пояснениями и дополнениями, составленными издателем. Книга переправлялась членами общества в Крым и распространялась там среди учителей и интеллигенции, явившись, таким образом, одним из первых учебников истории Крыма нового времени.

Последнее по времени издание сочинения Халим Гирай Султана было осуществлено в Крыму крымтатарским исследователем Кемалом Конуратом. Сочинение было опубликовано в журнале "Йылдыз" в 1998-1999гг. в современной крымтатарской графике, с переводами труднообъяснимых слов и выражений и со всеми примечаниями издания 1909г.

12 июля 1912 г. в городе Бахчисарае родилась знаменитая актриса и певица Сабрие Эреджепова.

Июль 1917 г. представителями национальной интеллигенции создана политическая партия «Милли Фирка».

22 июля 1917 г. вышла газета "Голос татар", редакторы – Ибрагим Озенбашлы и Али Боданинский.

9 июля 1923 г. родился Якуб Бекиров, академик Международной академии информатизации, профессор-самолетостроитель.

27 июля 1935 г. в деревне Айсерез Судакского района родился Ферат Усеинов, активный участник крымтатарского национального движения. В национальном движении начал участвовать с 1965г., находился в качестве народного представителя крымских татар в Москве. Он один из известных активистов движения в Самаркандском регионе.

21 июля 1938 г. родился Амет Сеит-Аметов, художник прикладного искусства, дизайнер.

Июль 1954 г. по постановлению Совета Министров СССР с учета были сняты дети до 16 лет. Взрослые оставались спецпоселенцами, но теперь они отмечались в спецкомендатурах раз в год и получили свободу передвижения в пределах республики.

Июль 1962 г., 8 апреля 1961 г. Ташкентскими студентами и молодыми рабочими создается организация "Союз крымскотатарской молодежи".

1 июля – 5 августа. 1969 г. "Ташкентский процесс" над десятью представителями крымтатарского народа. Решат Байрамов, Роллан Кадыев, Айдер Бариев, Иззет Хаиров, Ридван Гафаров, Исмаил Языджиев, Светлана Аметова, Мунире Халилова, Риза Умеров, Руслан Эминов приговорены Верховным судом УзССР к различным срокам заключения.

21 июля 1983 г. в Бекабаде скончался один из основателей крымтатарского национального движения Джеббар Акимов. Он был похоронен на городском кладбище. Похороны Джеббара Акимова превратились в национальную манифестацию.

9 июля 1987 г. создана Государственная комиссия во главе с Председателем Президиума ВС СССР А.А. Громыко для рассмотрения вопросов, поднятых в обращении крымтатар.

19 июля 1987 г. в Измайловском парке г. Москвы состоялось Третье Всесоюзное совещание. В нем участвовали 142 представителя инициативных групп Национального движения.

23 июля 1987 г. вышло сообщение ТАСС (Телеграфное Агентство Советского Союза – центр информационно-пропагандистский орган СССР), в котором крымтатарский народ был оклеветан. Якобы крымтатары тысячами сжигали в печах русских, украинцев, цыган, евреев. Это спровоцировало массовые акции протеста крымтатар во всех регионах проживания: в Узбекистане, Таджикистане, Краснодарском крае России, в Херсонской области Украины и в Крыму – с 24 июля по сентябрь прошли демонстрации и митинги протеста против этой клеветы.

3 июля 1990 г. перед зданием Крымского обкома компартии крымтатарами установлен палаточный городок. Требования – выделение земельных участков, прописка людей и восстановление в Крыму национальной государственности крымтатар.

11 июля 1990 г. вышло Постановление Совета Министров СССР №666 "О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область".

18 июля 1990 г. группа представителей крымтатарского народа была приглашена в Крымский облисполком для участия в работе трех так называемых "рабочих групп" по выработке материалов на заседание Государственной комиссии 19-20 июля 1990 года: в группе по вопросам жилья и соцкультбыта, группе по определению развития строительного комплекса промышленных материалов и в группе по созданию рабочих мест. Основой для работы этих групп должно было быть Постановление Совета министров СССР №666 от 11 июля 1990 года "О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область". С текстом упомянутого Постановления и самих "Первоочередных мер" приглашенные крымские татары имели возможность ознакомиться лишь за несколько минут до начала заседаний групп. Однако даже беглое ознакомление с указанными документами дает основание заявить, что они противоречат решениям, согласованным с членами Государственной комиссии от крымтатар, и не отвечают интересам крымтатарского народа.

29 июля 1990 г. в мечети Кебир-Джами состоялось собрание симферопольского религиозного общества мусульман "Акь-месджит". В повестке дня стоял вопрос об избрании главного имама мечети Кебир-Джами. Председателем религиозного общества "Акь-месджит" и главным имамом мечети избран Сейтджелил-эфенди Ибраимов.

1991 г. 5-я сессия симферопольского городского Совета приняла решение о создании комиссии под председательством зампреда горисполкома Л.К. Черненко по передаче здания бывшей мусульманской школы "Мектебе-Руждие", по улице Самокиша, 6. (Памятник крымтатарской архитектуры XIX в. Построено зачёт Симферопольского общества для пособия бедным мусульманам Крыма), в ведение Культурного Центра крымтатар.

15 июля 1992 г. в Симферополе открыта Национальная галерея крымтатарского искусства. Галерея была расположена в здании Художественного музея, Национальная галерея создана по инициативе Координационного центра по возрождению крымтатарской культуры.

27-31 июля 1993 г. в Симферополе проходила вторая сессия II Курултая крымтатарского народа, на которой обсуждались проблемы возвращения и обустройства крымтатар, общественно-политическая ситуация в Крыму, был принят новый крымтатарский алфавит на основе латинской графики, определены основные направления деятельности.

Жизнь вопреки

Начало в № 26, 27, 29

9.

Тишина, тугая жесткая тишина сжимает мою грудную клетку. Невозможно вдохнуть этот тягучий жаркий воздух, и ни души нет вокруг, белые стены, белый потолок. Я ребенок, одинокий ребенок, мне очень страшно. Чужие стены детского дома сжимают мое сознание, уничтожают мою память о маме, об отце, о Крыме. Потолок опускается на меня ниже и ниже, сейчас раздавит. Кричу и зову маму: «Где ты... где ты... где ты? Спаси меня...».

Открываю глаза и непонимающим взглядом долго смотрю в белый потолок, грань между сном и реальностью еще не определена в моих мыслях. Вдруг слышу детский плач, который окончательно меня будит. Вскрикиваю, бегу в соседнюю комнату, это проснулась моя маленькая двухлетняя дочь Зарема.

– Ах, моя красавица, иди ко мне на руки, моя радость, смысл моей жизни.

Зарема уже улыбается, глядя на меня слегка раскосыми карими глазами. Да... столько лет прошло уже с того дня, как я покинул стены детского дома с тетей Зейнеп. Нам пришлось пройти с ней через огромные испытания, но ей удалось оставить меня жить у себя. Холодной и холодной была эта жизнь, мы все работали с самого детства, чтобы прокормиться: я и мои двоюродные сестры и брат. И это предвзятое отношение везде...

«Предатели, не достойные ничего», – так думали о нас. Меня не брали нигде учиться! Я ведь, я был умнее многих! Моим образованием стали книги, любые, какие мне удавалось раздобыть.

– Баба, сейчас опять день? – мои тяжелые мысли прервал веселый голос Заремы.

– Конечно, смотри, солнце взошло.

– А почему это называется солнце?

– Зарема умела задавать интересные вопросы.

Я рассмеялся, неожиданно вспомнив другую маленькую девочку из своего детства, которая тоже любила задавать много смешных вопросов. Хатидже... Лучик наш в самые тяжелые дни жизни в детском доме. А я ведь нашел Ибраима! Только через двенадцать лет, когда мне исполнилось девятнадцать, я собрался и поехал его искать. Найти Ибраима было несложно, он остался жить

в Андижане. И вот я стучусь в темную дверь маленького низкого домика на окраине города.

Дверь открывает девушка с темными вьющимися волосами и голубыми глазами. До чего же знаком мне этот взгляд...

– Вам кого?

– Мне... мне нужен Ибраим, – запинаясь, произношу я.

– Из-за спины девушки уже появляется высокий парень с острым темным взглядом и аккуратными усиками.

– Ибраим, тебе не идут усы, – от растерянности говорю я.

– Такую глупость при встрече может сказать только один человек в моей жизни... Усеин!

Крепкие объятия друга долго не отпускают меня, затем я вижу слезы в его глазах, которые он пытается безуспешно скрыть.

– А вот это ... Хатидже, – говорит Ибраим и показывает на девушку. Мы смеемся, счастливые от этой долгожданной встречи, не в силах сойти с места, даже чтобы пройти в дом. Следует отметить, что Хатидже несколько не изменилась. Ее звонкий смех и способность освещать мир вокруг своим взглядом останутся с ней на всю жизнь.

– Ты опоздал на неделю, мы сыграли свадьбу, – очень серьезно говорит Ибраим.

– Сбрей усы, прошу тебя, – отвечаю я, и мы снова смеемся.

– Когда придет моя мама, когда уже, когда? – настойчивый голос дочки снова возвращает меня в наш светлый дом, где мы живем теперь своей небольшой пока семьей.

– Она скоро придет, как закончится ее смена в больнице, и мы пойдём к бабушке Зейнеп в гости ведь сегодня воскресенье.

– Ура! – кричит Зарема.

«Ура», – думаю я, наконец, я могу быть счастливым.

10.

Говорить о счастье, конечно, сложно. Меня все время мучают сны, мне снится Крым, снится отец, который говорит мне о том, что надо возвращаться, надо ехать домой, что там похоронены мои предки. «Их кости и в земле болят», – говорит мне отец во сне. Как только будет возможно, мы поедем. Мы вернемся, я верю в это. Я снова увижу свой родной дом...

Я работаю на шахте, целый день бью молотком уголь. По вечерам читаю книги и газеты, пишу, изучаю языки. Моему народу нужны образованные люди. Я верю в то, что все еще можно изменить, что мы вернемся.

– Зарема совсем не плакала, представляешь. Я уходила, а она махала мне рукой, довольная.

– Хороший садик?

– Да! Очень хороший. Я так рада, что ее взяли. И воспитатель хорошая, в возрасте, конечно, но видно, что с опытом. Валентина Петровна зовут.

– Как? Как зовут?! – я вскочил с места, меня словно облили холодной водой.

– Фамилия ее? – прорычал я, дрожа.

Моя испуганная жена побледнела и ответила, не понимая, что происходит.

Я молча встал, все совпало.

– Куда ты? Что случилось?

Но я не слушал уже ничего, я шел по улице в сторону детского сада. Я проходил останки и не садился в автобусы, мне казалось, что автобус задушит, раздавит меня своим пространством. Перед глазами моими стояла эта страшная женщина, этот монстр. Ее длинный красный палец указывал на меня: «Предатель!»

«Пособники фашистов ваши родители, они заслужили мучения и смерть, а вы выжили, будьте благодарны, что вас не убили!» Ооо!!! Я готов был рыть землю зубами сейчас от злости при этих воспоминаниях.

Вот и детский сад. Врываюсь, ищу дочь, не могу слова произнести, чтобы спросить. Воспитатели испугано смотрят, не могут понять. И вот слышу родной голос:

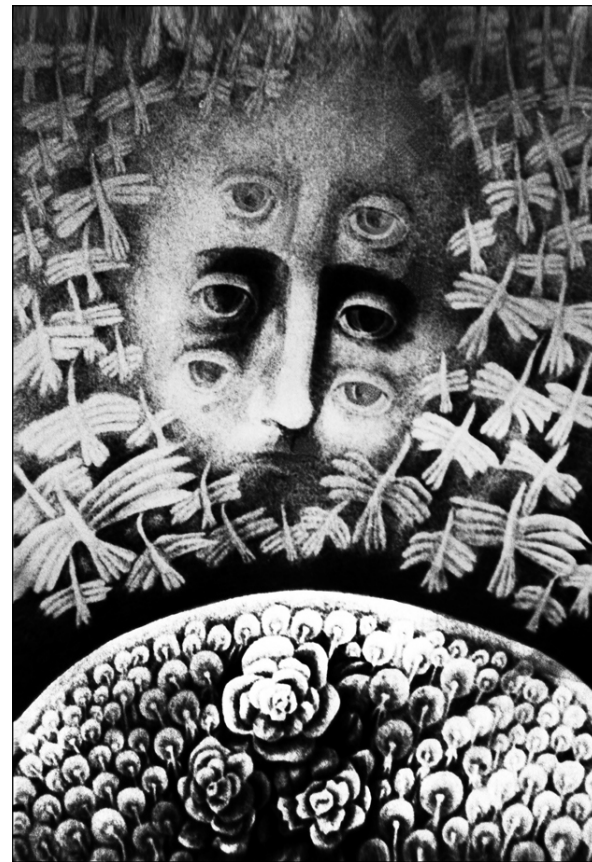
– Баба! – Зарема бежит ко мне.

Обнимаю, прижимаю к себе. Краем глаза вижу приближающуюся фигуру, знакомую до боли. Да, это точно она – моя учительница из детского дома. Постаревшая, ставшая словно ниже ростом. Но я непроизвольно отворачиваю от нее своего ребенка. Пусть даже не смотрит на мою дочь!

– Что случилось? Почему вы пришли? – спрашивает Валентина Петровна.

Нахожу в себе силы и поворачиваюсь к ней. Вот она – встреча с детскими страхами, встреча с самыми большими своими страданиями. Смотрю в ее мутные маленькие глаза, выпрямляюсь и говорю четко и громко:

– Было время, когда вы называли меня предателем. Я много лет мечтал о том, чтобы сказать вам об одном: я не

предатель! И родители мои не были предателями. И они не заслужили смерть! Я хочу, чтобы Всевышний наказал вас и вам подобных! – последние слова я прокричал ей в лицо, схватил Зарему крепче и выбежал из детского сада.

Прижимая к себе свою маленькую дочь, я понимал, что я выжил. Выжил, несмотря ни на что, вопреки самой своей жизни, вопреки своей судьбе, вопреки людям, которые с самого детства пытаются уничтожить меня, стереть с лица земли мой народ, мой язык, мою культуру. И я буду жить вопреки! Жить вопреки, жить вопреки...

– Баба, что ты там говоришь? – теплая ладошка Заремы была в моей руке.

– Жить вопреки! Запомни эти слова, доченька!

Алие КЕНДЖЕ-АЛИ

Эдип ЭМИР

Шеэр козьлерини ача, менде къалмады меджал.
Чал сачларым артты, сыджакъ джаным сувуды бир парча.
Сыр ача тена аралыкълар ве бош копюр.
Къоньур тюзлю олур бу юрт, сен сейирге буюр.

Оюн-айын олмаз, бу шеэр джиддийнинь сою.
Къюю къара, не истесе япа, сиз исе тоюнь.
Чюнки ачкъозьленмек севесиз де, сен де севин достум.
Баягы осьюн, менден устюн, барсын ойле олсун.

Сув, отьмекчюн къарардан къайгыра
Ферасетим. Акыылга загар, яра дай пара
Раатсызлата, сарошлата губ шарап
Мен ичмесем де, сарош дай юрерим иш арап.

Ич бир иншаат, мени къанаатлендирмез
Чюнки омрюм беклемеген бир кетишат.
Бунуньки бу иншам нефретиме шаат.
Ишан, фикиримде бир шан олса да, нуткъум перишан.

Адым джанлы нишан, мен кетсем, индемез бу дюнья.
Демек, дюнья кетсе, меним къасеветим зая.
Бу алынма – таянч, амма оньа ишанч.
Эп аксиле, унутмакъ – эм зеэр, эм де илядж.

Лякин битер бу оюн, бу омюр.
О бетер олур, беклер бизни керчек юрт.
Унутмам буны, тюркюм битсе, укъом сюрер сюкют.
Лякин берекетли арекетлернен Пекине умют.

Дюн мен сют ичкен эдим, ярын къабримде къурт
Имени кемиреджек, яхут мешур сур мевджут олгъан
Эр шейге огют берер, бу эски хабер
Бунуньнен битер бу оюн, бу омюр битер.

Алдат мени алдат, риджа этем алдат!
Сойле ки, мени къуртараджакъ низам ве иджат.
Джан саньа берейим, эй хайын бир къыз,
Ырсызлыгыны гизле ве биле, къалмазсынъ яньгыыз.

Агьыз ачырткъансыз, артыкъ гоньюлюм къансыз.
Къалды из менден сонь, онынъ ады да къаргыш.
Къарлы бир къыш яваш кельмекте,
Мен сес эшитем: “Балам, кель мектепке”.

Багышланьыз бабам, огьлуньыз нелер япа?
Бахт олгъан ерде, инатланып веба тапа.
Ве башкъалар куле, ве башкъашлар ура.
Сиз исе дува этесиз ки, шифалансын яра.

Не гузель темаша, эр кес шаннен талаша!
Бир бинь рубледен сатыл да сен, ашынъны аша.
Шарт олгъан бир шей къалды, фикиринь олса къалын.
Балынъ татлы олмаз, фикирлер фиьаты палы.

Битер бу оюн, бу омюр.
О бетер олур, беклер бизни керчек юрт.
Унутмам буны, тюркюм битсе, укъом сюрер сюкют.
Лякин берекетли арекетлернен Пекине умют.

Дюн мен сют ичкен эдим, ярын къабримде къурт
Имени кемиреджек, яхут мешур сур мевджут олгъан
Эр шейге огют берер, бу эски хабер
Бунуньнен битер бу оюн, бу омюр битер.

Глаза матери

18 июля день рождения Эрвина Ибрагимова, его мамы и его отца. Они все родились в один день.

Возле дома Эрвина прошел дуа (молебен). Много людей молились за его возвращение домой, и я вместе в ними. Говорила с мамой Эрвина, ее глаза полные слез и грусти, так хотелось поддержать, обнять, успокоить, но у самой наворачивались слезы, но я, хоть и не умею молиться, просила, чтобы Эрвин вернулся домой живым и здоровым, чтобы глаза родителей наполнились радостью и смыслом жизни.

Даже если вы, мои друзья, как и я не умеете молиться, то всем сердцем пожелайте его возвращения.

А те, кто виноват в том, что у стольких людей в Крыму горе, слезы, страх, душевная боль, когда вы будете спрашивать судьбу: — за что мне это?! Ведь все, что люди делают, возвращается к ним. Вспомните, глаза этой матери! Вспомните, отца Эрвина! Все возвращается — добро — добром, зло — злом!

Татьяна МОСКАЛЕНКО, фотограф. Фото автора

